

Николай Липисивицкий,

кандидат филологических наук,

Житомирский государственный университет

имени Ивана Франка, Украина

**Жанровая специфика изображения Веймарской республики
в романе Эриха Кестнера «Фабиан» (1931 г.)**

Эриха Кестнера вряд ли можно причислить к канону немецкой литературы. Его легкий и остроумный стиль сделал его одним из бесспорных любимцев немецкой читающей публики, уже начиная с поздних 20-х гг. XX в., но показался, по-видимому, не достаточно серьезным и солидным для большинства немецких литературоведов, формирующих, как правило, подобные каноны. Наиболее известен как автор книг для детей, а потом уже как поэт, чей «золотой век» выпал на последние годы Веймарской республики, рационалист-просветитель и пацифист, которому были чужды абсолютно все идеологии, Эрих Кестнер пришелся не ко двору в XX веке с его жесткими идеологическими противостояниями и доминированием романа. Он и сам не относил себя, пользуясь термином из излюбленного вида спорта тенниса, «к классу А». К потенциальным причинам незаслуженной невнимательности литературоведческого цеха к лауреату самой престижной в Германии Бюхнеровской премии (1957 г.) можно смело добавить особое внимание в его творчестве к собственной биографии и предельную четкость и ясность высказываемых мыслей, что существенно ограничивает поле деятельности многих интерпретаторов, одновременно облегчая непосредственный контакт с читателем.

Поэтому, наверное, исследователи продолжают интересоваться теми моментами из жизни и творчества Кестнера, о которых тот предпочитал не говорить, как например, кто был его настоящим отцом, или же что именно делал и писал в годы нацистского режима, «внутренний эмигрант» Эрих Кестнер, который со всей присущей ему иронией высмеивал нацистов в годы становления этой политической силы. В одном из своих стихотворений в 1931

году он предлагал «поехать в Мюнхен и надрать хорошенько зад заигравшемуся мальчугану Гитлеру», а милитаристов и сторонников сильной немецкой армии Кестнер высмеивал как детей, не наигравшихся в оловянных солдатиков в своей обработке знаменитого стихотворения Й.В. фон Гёте.

Ты знаешь край?..

Ты знаешь край, где расцветают пушки?
Подумай! Он недалеко от нас!
Там у детей любимые игрушки —
Граната, миномет, противогаз.

Там на плечах растут у всех погоны,
На голове растет незримый шлем.
Долины там сданы под полигоны,
И в струнку надо там тянуться всем.

Когда начальство там чего-то хочет
(Начальству полагается хотеть!),
Рассудок, щелкнув каблуками, вскочит:
Направо! Смирно! Не дышать! Не сметь!

Ты знаешь край?.. Он мог бы стать счастливым,
Народ свой осчастливив навсегда.
Там нет числа лугам и тучным нивам,
Таятся в недрах уголь и руда.

Там есть умы, таланты, добродетель
И даже доблесть иногда блеснет.
Но взрослые играют словно дети
В солдатикички ночами напролет.

Там за свободу не дадут полушки,
Там обращен в казарму каждый дом.
Ты знаешь край, где расцветают пушки?
Внимательнее погляди кругом! (1928 г.)

(Перевод Е. Эткинда)

Саркастически описывает популярный молодой поэт, которому довелось пройти муштру в казармах в последние месяцы Первой мировой войны, как выглядел бы мир, если бы тогда победила Германия.

Если бы...

Если б мы выиграла войну
С ревом и пушечным громом,
Нам бы вовек не спасти страну,
Ставшую желтым домом.

Нами командовал бы балда,
Какой-нибудь юнкер жирный.
При виде ефрейтора мы бы всегда
Тянулись по стойке смирно.

[...]

Разум бы наш задышался в броне,
Подчиняемый грубой силе.
Войны тогда б участились втройне,
Если бы мы победили в войне...
К счастью, не мы победили. (1930 г.)

(Пер. Е. Эткинда)

Роман «Фабиан» (1931 г.) целиком вобрал в себя проблематику творчества Кестнера – его сильные и слабые стороны на пике популярности автора, которая пришлась на последние годы Веймарской республики 1929-1933 гг. и была резко оборвана приходом к власти нацистов, запретивших любые виды публикаций Эриху Кестнеру. «Фабиан» и написан в манере других произведений: тот же простой композиционный строй, та же ясная, короткая фаза, та же приверженность факту и та же экономность мысли. Одним словом, все та же печать «новой предметности», верность которой писатель сохраняет всю свою жизнь. Близость к кестнеровским стихам и повестям для детей видна даже в том, что «Фабиан» — это маленький роман. Не только по объему, но и из-за того, что мир рассматривается только глазами героя» [Затонский 1990: 15].

Роман «Фабиан» принято называть наряду с романом «Берлин. Александерплац» как наиболее яркий образец романа «новой предметности». Дух времени Веймарской республики в громадной метрополии Берлин врывается уже с первых строк романа в виде хаотичного перечня заголовков в вечерних газетах: «Над Бовэ взорвался английский воздушный корабль», «Стрихнин хранится рядом с чечевицей», «Девятилетняя девочка выпрыгнула из окна», «Снова безуспешные выборы премьер-министра», «Убийство в Лайнцском зоопарке» и т.д. В зарождающемся уже тогда масс-медийном пространстве большого города одна сенсационная новость сменяется следующей новостью, еще более сенсационной, чтобы получить от рассказчика безразличное резюме: «Все как всегда. Ничего особенного». Как функционирует пресса изнутри, показывается в третьей главе, где редактор Мюнцер на ходу придумывает краткую новость о беспорядках в Калькутте только, чтобы заполнить пустое место на странице, готового к печати следующего выпуска газеты. Он еще и поучает молодого коллегу: «Зарубите себе на носу: сообщения, которые нельзя опровергнуть сразу или можно разве что через нескольких недель, — соответствуют действительности» [Кестнер 1990: 39]. А к своему приятелю Фабину он обращается с мировоззренческой

максимой, вычеркивая полстраницы из последней речи рейхсканцлера: «Поверьте, дорогой мой, то, что мы присочиняем, много лучше того, о чем мы умалчиваем» [Кестнер 1990: 39].

Кестнер обращается в романе к популярному в 20-е гг. мотиву «маленького человека», ничего не значащего в круговороте исторических событий, технических новоизобретений и в недрах громадного города, где всё и все продаются и покупаются. Уже на первых страницах произведения главный герой предстаёт в необычном ракурсе среди толпы Берлина: «Город походил на ярмарку. Фасады домов были так расцвечены пестрыми огнями, что звёздам в небе оставалось только стыдиться самих себя. Над крышами зарокотал самолёт. [...] Фабиан на миг представил себе, что это он летит в самолёте и смотрит вниз на себя, молодого человека, стоящего в толпе на Иоахимсталерштрассе, в свете фонарей и витрин, в хаосе лихорадочно разгорающейся ночи. До чего же мал этот молодой человек! А ведь это он, Фабиан» [Кестнер 1990: 21]. Отсутствие уверенности во времени и в пространстве, потеря ориентации в громадной метрополии не встречают никаких попыток со стороны героя упорядочить хаос вокруг себя, а, скорее, вполне соответствуют его мироощущению и являются непосредственным его проявлением в, лишенных целесообразности, действиях: «Он понятия не имел, где находится. Если человек садится на Виттенбергплац в автобус №1, у Потсдамского моста пересаживается в трамвай, не успев заметить его номера, через двадцать минут вдруг выходит из вагона, потому что туда вошла женщина, как две капли воды похожая на Фридриха Великого, то он и вправду не может знать, куда его занесло» [Кестнер 1990: 20].

Автобиографичность романа и явная схожесть между автором и его героем не только отмечается всеми исследователями, но и откровенно подчёркивается самим Э. Кестнером, например, в анкетных данных Фабиана: «Фабиан, Якоб, тридцать два года, определённой профессии не имею, в настоящее время – специалист по рекламе, Шаперштрассе семнадцать, большое сердце, волосы каштановые» [Кестнер 1990: 22]. Автору на момент написания

романа было 32, цвет волос у него такой же, да и проблемы с сердцем донимали молодого человека после надрова во время муштры в казармах Первой мировой войны. Активная переписка с матерью, сложные отношения с женщинами, занятость в журналистской сфере главного героя дополняются идеалистическими взглядами на общество, интересом к немецкой литературе, а именно, увлечением творчеством Лессинга его друга Стефана Лабуде и вместе составляют некий собирательный образ автора, реальные факты из жизни которого легли в основу одного из наиболее выдающихся романов Веймарской республики.

Важное место в «Фабиане» занимают характерные для того времени пессимистические прогнозы на будущее этого первого демократического государства на территории Германии, само существование которого многие считали нелепой ошибкой и следствием позорного Версальского договора, стоившего Германской империи значительной части своей территории и бывшего имперского статуса. В неготовом к демократии обществе к ужасу тонкой прослойки интеллектуалов все большей популярности набирали монархисты, левые и правые радикалы. «В кровь проникла отравка! — вскричал Мальмю. — А мы полагаем, что достаточно приложить пластырь к воспалённому месту на поверхности земли. Разве так можно очистить кровь? Нет, нельзя. В один прекрасный день пациенту, сплошь заклеенному пластырем, приходит конец!» [Кестнер 1990: 46]. Воспоминания о Первой мировой войне связывают судьбы Фабиана и Лабуде и дают в то же время основания для предчувствия надвигающейся угрозы новой войны. «Я сидел в огромном зале ожидания, имя которому Европа. Через восемь дней придёт поезд. Это я знал. Но куда он поедет и что станет со мной, не знала ни одна живая душа. А теперь мы опять сидим в зале ожидания, и опять имя ему Европа. И опять мы не знаем, что будет дальше. Мы живём только сегодняшним днём. Кризису не видно конца» [Кестнер 1990: 70].

В отличие от многих современников, которые пытались найти панацею в идеологии той или иной политической силы, Э. Кестнер во многих своих

стихотворениях, но особенно чётко в романе «Фабиан», заявляет о своём ироничном неверии в успех радикальных способов выхода из сложившейся ситуации, призывающих к борьбе против некоего врага. «Вы, конечно, скажете, что существуют два массовых движения. Эти люди, независимо от того, наступают ли они справа или слева, хотят вылечить болезнь крови, отрубив больному голову топором. Разумеется, болезнь крови перестанет существовать, но ведь и больной тоже, а это значит, что лечение было слишком радикальным» [Кестнер 1990: 47]. В очередной гротескной сцене романа в результате перестрелки между приверженцем коммунистов и национал-социалистов оба раненных ярых противника оказываются на заднем сидении в такси Лабуде и Фабиана, которые отвозят в больницу горе-политиков. Перебранка между ними с использованием соответствующих лозунгов выглядит смешно, а их взаимные обвинения, повлекшие за собой смерти миллионов, теряют свой серьёзный, угрожающий характер.

Самоирония, снижение пафосности высказанных идей и остроты критики общества проявляются в той или иной форме на протяжении всего романа. Морализаторское возмущение жизнью в столице, погрязшей в разврате и преступлениях, высказывается слабохарактерным Якобом Фабианом, которому хорошо знаком и которого откровенно привлекает ночной город с его порочными обитателями. Главный герой не предпринимает никаких попыток противостоять тому, что ему не нравится в окружающем мире, заранее будучи уверенным в тщетности таких действий. Его талантливый друг Стефан Лабуде из богатой семьи тратит много сил и времени на участие в общественной жизни, в социалистических политических проектах, идеалистического толка. Он пять лет работает над диссертацией о великом просветителе Лессинге и приходит к оригинальным и важным выводам. Но достаточно одной нелепой шутки завистливого, ограниченного секретаря профессора по поводу якобы негативной оценки исследования со стороны научного руководителя, чтобы Лабуде разочаровался во всём и покончил жизнь самоубийством.

Сам Фабиан избирает для себя бегство из столицы, от бурлящей жизни в

провинцию, в родной Дрезден, чтобы дожидаться времени, когда он будет востребован в новую эпоху. «Итак, решено, на лоно природы, и без промедления! Когда Фабиан возвратится, мир уже сделает шаг вперёд или два шага назад. Не важно, в какую сторону этот мир повернётся, любое положение будет лучше нынешнего. [...] Ему хотелось тишины, хотелось в горах слушать время, покуда не раздастся выстрел стартера, который сорвёт с места его и ему подобных» [Кестнер 1990: 236-237]. Но столь возвышенные ожидания моралиста Фабина, который видит себя уготованным к такой важной миссии по спасению и преобразованию общества в будущем и поэтому пока-что решает избрать бегство от окружающей его суматохи метрополии, иронично рушатся из-за банального неумения плавать главного героя, который попытался спасти мальчика, но сам утонул в речке, в то время как «мальчик, громко плача, подплыл к берегу» [Кестнер 1990: 237].

Морализаторское наставление в духе Просветительства, правнуком которого называл себя Эрих Кестнер, возглавляет финальную главу романа: «Учитесь плавать!». Реальных знаний и действий требовал от подобных самому себе представителей мелкобуржуазной интеллектуальной элиты писатель, понимавший тщетность таких призывов и мастерски иронизирующий по этому поводу. Искромётный, тонкий, интеллектуальный юмор является ещё одной неотъемлемой составляющей романа «Фабиан». Шутки по поводу бесполезности филологической науки, которая легко могла быть использована в идеологических целях даже без намёка на научность, соседствуют в романе с идеалистической верой в гуманизм европейской культуры и просветительские ценности второго alter ego автора Штефана Лабуде. Главный герой Фабиан с иронией перечисляет темы для написания диссертации по истории немецкой литературы о том, было ли плоскостопие у Ганса Сакса и заикался ли Фридрих Великий по стихотворному слогу обоих, и рад, что не последовал примеру друга и не взялся за столь важные научные изыскания. С юмором Кестнер описывает последние годы существования первого немецкого демократического государства, к которому сами немцы ещё не были готовы,

идёт ли речь о свободных сексуальных нравах в Берлине или же о неограниченной свободе в искусстве, об ужасающей инфляции и безработице или же о демагогических прогнозах расцвета Германии, о лживости прессы или же о мытарствах безработного журналиста в громадной немецкой столице. Смех вызывает даже трагическая, но и также совершенно нелепая гибель протагониста в конце романа.

Пронизанная лучами юмора и дидактизма возникает лоскутная картина расцвета и упадка Веймарской республики с использованием модной тогда техники монтажа. Много раз до и после появления романа «Фабиан» Эрих Кестнер писал в своих статьях о том, какие ошибки были допущены в 1918 – 1933 гг., что сделало возможным приход к власти нацистов во главе с Гитлером, но он также не уставал верить в то, что людей можно сделать лучше и что из Веймарской республики немцам тоже нужно сделать свой урок и сохранить то лучшее, что было в «золотые 20-е гг.». Многочисленные статьи Кестнера до 1933 года и уже после 1945 года, когда он возглавил культурную рубрику в первой немецкой послевоенной газете в американской зоне оккупации в Мюнхене «Neue Zeitung», очень важны для понимания неоднозначного отношения автора к Веймарской республике и для понимания его лучшего романа для взрослых об этом времени, но и также вполне серьёзных проблем в его популярных детских книгах.

Практически к каждой своей книге, которые сам автор разделил на книги для взрослых и книги для детей, или к сборнику лирики, Эрих Кестнер написал предисловие, где прямо обращается к читателю со своими размышлениями по поводу того или иного произведения. В предисловии к своей автобиографической повести «Когда я был маленьким» (1957 г.) он повторяет свой девиз: «Ни одной книги без предисловий», сравнивая их с прелестными палисадниками перед домом (нем. Vorgärten), без которых даже самый великолепный дом теряет всяческую привлекательность. Творчество самого Эриха Кестнера можно также сравнить с неким милым садом, где так легко и приятно находиться и который не только ведет к высокому храму тяжеловесной

немецкой литературы как маленьких немецких читателей, так и многих иностранцев, которые начинают свое знакомство с немецким языком по его занимательным и легко доступным произведениям, но и куда хочется время от времени выйти прогуляться, вспомнить о былом и вдоволь насмеяться.

Список литературы

1. Затонский Д.В. Эрих Кестнер и его «Фабиан» // Кестнер Э. Фабиан. История одного моралиста: Роман / Пер. с нем. Е. Вильмонт; Предисл. Д. Затонского. — М.: Худож. лит., 1990. — С. 3 – 16.
2. Кестнер Э. Фабиан. История одного моралиста: Роман / Пер. с нем. Е. Вильмонт; Предисл. Д. Затонского. — М.: Худож. лит., 1990. — 239 с.